

- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha : Academia, 1988—. Zesz. 1–.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Praha : Lidové noviny, 1997.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. 1–2. Bern : A. Francke, 1949–1959.
- Trávníček Fr.* Slovník jazyka českého. 4 vyd. Praha : Slovanské nakladatelství, 1952.
- Zaorálek J.* Lidová rčení. 4 vyd. Český Těšín : Academia, 2000.

Е. Н. Варникова

Вологодский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Вологда, Россия
e-varnikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7612-1306>

К вопросу об «императивных» конструкциях в славянской ономастике

В статье анализируется семантика «императивных» образований в сфере русских собственных имен и апеллятивов, устанавливаются механизмы, определяющие их экспрессивность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «императивные» конструкции; славянская ономастика; антропонимы; мифонимы; топонимы; микротопонимы; зоонимы; русские и украинские фамилии

Конструкции с опорным компонентом – существительным и предшествующей частью, омонимичной форме повелительного наклонения глагола, отмечены в разных классах славянской ономастики. Такие структуры встречаются в русских, украинских, польских, болгарских названиях населенных мест, в русских названиях рек и озер, в русской исторической и современной микротопонимии, в именах героев восточнославянского сказочного эпоса, в древнерусской антропонимии, в современных русских и украинских фамилиях, в сказочной и исторической русской зоонимии. В нашей статье анализируется семантика «глагольных» образований в сфере русских собственных

имен и апеллятивов, устанавливаются механизмы, определяющие их экспрессивность.

Как отмечает В. А. Никонов, в ойконимии «таких названий, по-видимому, не больше сотни, но они очень своеобразны и уходят корнями еще к временам славянской общности (как модель, а не отдельные названия, конечно). Кроме подмосковного *Звенигорода*, есть несколько его тезок на Украине, был *Звенигород* и в Польше XI в. <...> На Украине, кроме двух *Гуляй-поле*, есть *Гуляй-городок* и *Гуляй-балка*, *Копай-город*, *Стремигород*, был *Деригород*, с. *Урвиживот* и др., в Польше — *Жмигруд*, было с. *Урвишвост* и др. Исключительность этой формы в нашей топонимии, не терпящей глаголов, настораживает. Как и почему из императива смогли возникать топонимы и что они означали? Может быть, они выражали пожелания, заклинанья? Но тогда почему *Копай-город*, *Деригород*? Еще менее оправданы с. *Залейвода* в Харьковской обл., г. *Згориград* в Болгарии» [Никонов, 1965, 95]. Обращая внимание на древность рассматриваемых ойконимов, В. А. Никонов приводит также «поздние образования XIX в. и современные: <...> тульская деревня *Кинь грусть*, пос. *Стучи машина*» [Там же]. По-видимому, к поздним относится и название деревни *Проснись Бедняк* [Витушкина, 1970, 29].

Подобные структуры встречаются и в гидронимии. Так, на территории Костромской области зафиксированы реки *Вздериножка*, *Деринога* / *Задеринога* (варианты одного названия), *Дериножка*, оз. *Дериглазка* [Цветкова, 2016, 289]. Эти наименования отражают «особенности географических объектов (маленькая речка, которую можно перешагнуть, задрать ноги; очень холодная вода, от которой ноги “дерет”»)» [Там же, 290]. Название р. *Сдериножка* отмечено на Русском Севере [Витушкина, 1970, 28], *Задеринога* — в Московской области. Повторяемость таких гидронимов на разных территориях позволяет предполагать их терминологичность.

Конструкции «императивного» типа отмечаются в исторической и современной севернорусской микропонимии: пок. *Оз-нобикобыла*¹, наволоки *Болисердцо*, *Вздериножки*, *Разломиноги*, бол. *Трясинога* [Витушкина, 1970, 27]. В костромской микропонимии

¹ Это название встретилось нам в одной из писцовых книг Тотемского уезда XVII в. Возможно, топоним отражает особенность данного урочища — незащищенность перед заморозками: ср. карел. (рус.) *зыблуха* ‘поляна, на которой часто вымерзает хлеб’ [СРНГ, 12, 47].

неоднократно фиксируются названия покосов *Гуляй-поле / Гуляйполе*: «Гуляйполе очень широкое» [Цветкова, 2016, 290]. Подобные конструкции встречаются в описании топографии Запорожья у известного историка и этнографа Д. И. Эварницкого: ур. *Нерубайлес, Недайводы, Карай-Тебень* [Эварницкий, 1, 31, 39, 152].

Сложные имена с императивом в первом компоненте нередко носят герои восточнославянского сказочного эпоса, ср. у русских: *Валигора, Вернидуб, Вернигор, Вернигора, Вырвидуб, Спехни-гор, Рознигор, Катайгора, Пересыти-Гора, Переверни-Гора*; у украинцев: *Верни<ы>дуб, Щавидуб, Кривихаца, Ломи-лі<е>с, Зітри-лі<е>с, Верни<ы>гор, Верни<ы>гора, Переверни-Гора, Рассунь-Гора, Разверни-Гора, Рознигор, Прокати-Гора, Товчикаміль, Сучикаміль, Сучимотузка, Крутивус, Запри-вода, Заверни-вода, Верни-вода, Затини<ы>-вода, Застаї-вода*; у белорусов: *Вярни-Дуб, Вярни-Камень, Вярни-Гора, Запры-вода* и др. [Журавлев, 2005, 382]. Многие мифонимы символизируют силу сказочных богатырей, их власть над природой. По свидетельству А. Ф. Журавлева, «эти образы находят многочисленные параллели в мифологии и эпосе других индоевропейских народов», имена персонажей словацких, литовских и латышских сказок «близки славянским вплоть до полного структурно-смыслового соответствия» [Там же]. Сопоставляя имена эпических богатырей с нарицательными названиями лиц, образованными по той же модели и выражающими негативную оценку (*вертиголова* ‘легкомысленный, ветреный человек’, *вертихвост(ка)*, *вырвиглаз, перекасти-поле* и под., укр. *пройдисвіт* ‘бродяга, проходимец’, *шибайголова, паливода, урви-пола* ‘буян’, *дурилюд* ‘обманщик’, *підмийвода* ‘лицемер’, *давижменька* ‘скупердяй’, *дурибаб* ‘бабник’, *деригуз* ‘оборванец’ и т. д.), автор делает следующий вывод: «Производство имен сказочных персонажей по таким моделям, вероятно, косвенным образом указывает на их отрицательно оцениваемую принадлежность хтоническому (“низовому”) слою, в противоположность “верховой” природе персонажей вроде громовержца» [Там же, 383].

Отрицательной оценочностью характеризуются и многие старорусские антропонимы, образованные по «императивным» моделям: *Варивода, Взвернигуба, Горихвост, Держикрай, Дериглазь, Клюйвода, Колибаба, Обернибес, Ожигибес, Падинога, Перебейнос, Подсекикорова, Прожгибокь, Пролейбрага, Раздуйхвост, Разуйнога,*

Трясисолома, Убийкобыла, Урвухвост, Чапинога, Чипыштань [Тупиков, 2004; Селищев, 1968, 112–113]. Неслучайно А. М. Селищев помещает их в группу «Насмешливые клички», отграничивая от более древних образований «со второй частью *-бог, -бор, -волод, -гнев, -гость; -жир, -мер* или *-мир, -мил, -мысл, -ѣг, -полк (-пѣлк), -свѣт, -слав*» [Селищев, 1968, 112–113].

О внутренней форме таких именовании можно судить лишь предположительно. Так, имя *Горихвост* могло обозначать человека, склонного к щегольству, любителя ярких одежд (ср.: *горихвостка, горицвет*); *Дериглазь* — слишком любопытного человека (нельзя исключать и отражение в имени физической особенности человека — обладателя больших глаз); *Клюйвода* — человека с длинным носом (ср. олон. *клюй* ‘о человеке с длинным орлиным носом’, тул. *клюй носатый* ‘бран. дразнят того, у кого длинный нос’ [СРНГ, 13, 318]); *Обернибес* — ловкого, оборотистого человека; *Падинога* — человека, припадающего на одну ногу, хромого человека или человека с необычной (например, шаркающей или переваливающейся) походкой (ср. современное прозвище хромого человека *Танцуя-нога*); *Перебейнос* — буйного, вспыльчивого человека, задиру или человека со сломанным носом; *Раздуйхвост* — хвастуна и бахвала; *Разуинога* — неряшливого, растрепанного человека (ср. вят. *разуи* ‘неряшливый, растрепанный человек’ [СРНГ, 34, 70]) и др. На базе этих имен образовались русские фамилии *Вариводин, Вертиглазов, Горихвостов, Дериглазов, Обернибесов, Падиногин, Пролейбрагин, Раздуйхвостов* и др. [Тупиков, 2004].

В украинских фамилиях сохранилась исходная форма «императивных» именовании: *Варивода* (1552), *Омочихвост* (1654), *Перебейнос* (1669), *Положихвост* (1563), *Убейкобыла* (1563) [Селищев, 1968, 113]. Этой модели соответствуют и многие современные фамилии: *Быймалых, Варибрус, Верныволя, Выставнога, Гнибеда, Давикоза, Дейрош, Забыйворота, Задерживист, Загныбеда, Заплюйвичка, Засядьвовк, Лупынос, Неберкутя, Неварихатка, Недайхлеб, Неудиветер, Незовибатько, Неижмак, Неижсало, Непийтиво, Обижисвит, Перечети-дорога, Печиборщ, Пивторыпавло, Пидкуймуха, Покинборода, Пробыйголова, Пройдисвит, Свербыгуз, Скачистрибайло², Товчиречка,*

² Второй компонент, *стрибайло*, также имеет глагольное происхождение: это суффиксальное производное от глагола *стрибати* ‘прыгать, скакать’: значение императивной основы «усиливает» смысл опорного компонента.

Тягнрядно, Убийбатько, Убийвовк, Убийконь, Четинога и др. [Какие фамилии носят потомки...]. Появление таких именованний Д. И. Эварницкий объясняет следующим образом: «Принятый в число запорожских козаков прежде всего записывался в один из 38 сичевых куреней <...> и тут же, при записи в курень, переменял свою родовую фамилию на какое-нибудь новое прозвище, часто весьма метко характеризующее его с внешней или внутренней стороны; эта перемена фамилии делалась ввиду того, чтобы скрыть прошлое новопоступившего в Сечу...» [Эварницкий, 1, 187].

По свидетельству А. М. Селищева, сложные имена с императивом в первой части приобрели в славянских языках широкое применение для называния лиц и населенных пунктов. Кроме русских и украинских антропонимов такой структуры, автор приводит также сербские личные именованья: *Газивода, Курикучя, Ломигора, Млатишума, Мутибара, Мутивода, Пушибрк, Пециреп, Пожрикобила, Прдикобыла, Чешибаба* и др. [Селищев, 1968, 118].

Отмечены императивные образования и в русской зоононии, реальной и сказочной: кобыла *Подтилигуз*³ (скорее всего, кличка связана с особенностями телосложения — размером задней части тела животного: данная семантическая модель представлена в старорусской гиппонимии номинациями *Крутогуз, Толстоиздрои*) [Варникова, 2020, 61], лисята *Мети-шесток / Подмети-шесток, Огня-Вздувай, Пеки-пирого, Подай-челнок, Трубу-закрывай* [Варникова, 2018, 85, 88].

Рассмотрение онимических «императивных» структур невозможно без обращения к нарицательным их соответствиям. В литературном языке подобные наименования составляют обособленную группу: *сорвиголова, скопидом, держиморда, грабьярмия, вырвиглаз, воруи-городок, гуляй-город, держидерево, перекаати-поле, горицвет, вертиголовка, вертишейка, коси-сено*. В диалектах отмечаются в основном названия растений, птиц и людей: ряз. *болиголов* ‘багульник’, *болиголовá* ряз. ‘болиголов крапчатый’, пск., курск. ‘калужница болотная’, *болиголовник* без указ. м. ‘болиголов крапчатый’, оренб. ‘таволга’ [СРНГ, 3, 75]; *горихвóстка* без указ. м. ‘птица, род малиновки’, пск., твер. ‘о девушке, которая беспрестанно смотрит в окно’ [СРНГ, 7, 37]; орл. *горицвёт* ‘девясил иволистный’ [Там же]; *держи-травá* амур.

³ Ср. современную фамилию *Пилигузов*.

‘леспедца двцветная’, урал. ‘вязель’, ‘пырей’ [СРНГ, 8, 23]; вят. *разоридóмка* ‘расточительная, не умеющая вести хозяйство женщина’ [СРНГ, 34, 54] и др.

Образованные по одной модели, «императивные» онимы и апеллятивы разных групп различаются, однако, своими компонентами. Так, в группе ойконимов в качестве опорных компонентов выступают географические термины *-город* (чаще всего), *-городок*, *-балка*, *-поле*, отмечаются соматизмы *-груд*, *-живот*, *-хвост* (два последних — с одинаковым «определителем» *урви*⁴); в группах гидронимов и микропонимов чаще всего фиксируется компонент *-нога* (или его дериват *-ножка*), что, возможно, выражает идею затрудненного передвижения в пространстве (наволоч *Разломиноги*, бол. *Трясинога*)⁵. В группе мифонимов опорными компонентами являются *-гора*, *-вода*, *-дуб*, *-камень*, символизирующие силы природы; начальные компоненты *Вали-*, *Верни-* / *Переверни-*, *Запри-* и др. выражают способность сказочных богатырей повелевать этими силами.

Наибольшим разнообразием характеризуется компонентный состав антропонимов и агентивов. Хотя в силу высокой идиоматичности собственных и нарицательных имен лиц в ряде случаев возникает вопрос о возможности / целесообразности выделения этих компонентов, все же рассмотрим их состав. В роли опорных компонентов в антропонимах чаще всего выступают соматизмы: *-бок*, *-борода*, *-глаз*, *-голова*, *-губа*, *-гуз*, *-нога*, *-нос*. Начальными компонентами обычно являются глагольные основы со значениями ‘драть’, ‘бить’: *Вздери-* / *Дери-*, *Перебей-* / *Пробый-*, *Луны-* и др. На втором месте стоят названия различных веществ, чаще продуктов питания и напитков: *-бориц*, *-брага*, *-вода*, *-мак*, *-пиво*, *-сало*, *-хлеб*. С ними сочетаются компоненты, выражающие запрет на употребление этих продуктов или называющие действия, неосуществимые по отношению к ним: *Недай-*, *Неиж-*, *Непий-*; *Вари-*, *Клюй-*, *Печи-*. Отметим также антропонимы с названиями животных в опорных компонентах: *-волк*, *-кобыла*, *-коза*, *-конь*, *-корова*; обычно им предшествуют начальные части *Дави-*,

⁴ Учитывая древность анатомической модели в топонимии, выскажем предположение о возможном отражении в таких топонимах изменения границ земельных владений.

⁵ Аналогичный пример с компонентом *-голова* рассматривает А. К. Матвеев: «труднодоступную вершину русские называют не “Гора, где можно сломить голову”, а *Сламиголова*» [Матвеев, 2001, 87].

Убий- (возможно, таким образом выражается идея физической силы номинируемого лица, ср. в сказках: *семерых одним ударом*). Реже в основе рассматриваемых антропонимов лежат названия конкретных предметов: *-ворота, -колесо, -свечка, -хата* и др.; действия, связанные с ними, обычно имеют деструктивный характер: *Забый-, Загубы-, Заплуй-*. Отдельные антропонимы образованы на базе названий отвлеченных понятий: *-беда, -воля*; с ними сочетаются глагольные основы *Гни-, Верни-*. В антропонимах, как и в мифонимах, встречаются образования с опорным компонентом *-гора*, но начальные компоненты иные — *Верши-* и *Подопри-* (на наш взгляд, так могли назвать человека высокого роста). Нельзя не отметить антропоним с личным именем в основе *Пивторыпавло* (единичный случай).

Таким образом, опорные компоненты географических названий так или иначе связаны с семантическим полем «пространство», личных именований — с семантическим полем «человек».

Анализ смысловых отношений компонентов «императивных» конструкций позволяет установить некоторые механизмы создания в них экспрессии:

- высокая степень или чрезмерность проявления номинируемого признака: *Валигора, Вернидуб, Вернигор, Вернигора, Вершигора, Вырвидуб, Гуляйполе, Спехни-гор, Пересыти-Гора, Переверни-Гора, Пидопригора, Подпилигуз, Разломиноги, Сломиголова, вырвиглаз, сорвиголова* и др.;

- казуальность действия как отличительного свойства лица: *Загубы-колесо, Омочихвост, Прожгибок, Пролейбрага* и др.;

- агрессивность действия: *Луынос, Перебейнос, Пробыйголова*;

- несоответствие объекта и относящегося к нему действия: *Варибрус, Варивода, Клуйвода, паливода, Печиборц, Пидкуймуха, Товчиречка, Федька Умойся Грязью* и др.;

- заведомая невозможность запрета на действие: *Недуйветер, Неижмак, Неижсало, Непийтиво* и др.

Очевидно, благодаря образности, экспрессивности «императивные» конструкции приобрели широкое распространение в ономастике, в определенной мере компенсируя свою ограниченность в нарицательной лексике. Дальнейшее изучение таких структур в славянских языках не только позволит выявить их интегральные и дифференциальные признаки в разных системах, но и даст

возможность рассмотреть этот материал с точки зрения парадигмы ценностей славянского мира.

Варникова Е. Н. Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации // Русский язык в школе. 2018. № 7. С. 83–89.

Варникова Е. Н. Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 47–83.

Витушкина Л. А. «Глагольные» конструкции в русской ономастике // Вопросы топонимастики. 1970. № 4. С. 25–29.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М. : Индрик, 2005.

Какие фамилии носят потомки запорожских казаков [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/media/curillitsa.ru/kakie-familii-nosiat-potomki-zaporojskih-kazakov-5bd4704d50707d00aa8a9d64> (дата обращения: 20.12.2021).

Матвеев А. К. Апология имени // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 21. С. 86–92.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М. : Просвещение, 1968. С. 97–128.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004.

Цветкова Е. В. «Глагольные» конструкции в костромской микротопонимии // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климовой, В. И. Супруна. Арзамас ; Саров : Интерконтакт, 2016. С. 288–291.

Эварницкий Д. И. История запорожских козаков : в 3 т. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892–1897.